

ЛЕКЦІИ

ПРОФЕССОРА КІЕВСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМІИ

Я. Н. АМФИТЕАТРОВА.

КІЕВЪ.

Въ типографіи Губернскаго Управленія.

1869.

Съ разрѣшенія Духовной Цензуры. Кіевъ. 1 іюня 1869 годъ

Цензоръ *В. Щеголевъ.*

ЛЕКЦІИ ПРОФЕССОРА АКАДЕМІИ АМФИТЕАТРОВА.

Яковъ Косьмичъ Амфитеатровъ въ теченіи почти двадцати лѣтъ (съ сентября 1829 года по 8 іюля 1848 года) занималъ кафедру церковной словесности въ Кіевской академіи, сначала въ званіи бакалавра (1829—1835), потомъ въ званіи экстраординарнаго профессора (1835—1837), наконецъ (съ 4 мая 1837 года по день смерти, постигшей его 8 іюля 1848) въ званіи ординарнаго профессора. Благодаря его таланту и трудамъ, въ Кіевской академіи кафедра гомилетики высоко представлена была въ ряду другихъ предметовъ академическаго курса, и пользовалась вниманіемъ какъ начальства, такъ и студентовъ академіи. Благодаря его сильному уму и мастерскому перу, мы имѣемъ по одному изъ труднѣйшихъ для научнаго изложенія предметовъ такое руководство, которому можетъ позавидовать и иностранная литература, болѣе нашей богатая учеными книгами и учебными руководствами.

Лекціи Якова Косьмича по гомилетикѣ, читанныя имъ студентамъ десяти курсовъ, не были сколкомъ съ какого либо иностраннаго руководства. Онѣ носили на себѣ ясную печать самостоятельной мысли и долговременнаго углубленнаго размышленія о томъ предметѣ, какой разъяснять суждено было Амфитеатрову съ академической кафедры. «Поставленный наставникомъ другихъ (какъ засвидѣтельствовано въ надгробномъ

*

ему словѣ, сказанномъ бывшимъ ректоромъ Кіевской духовной академіи архимандритомъ Димитріемъ), онъ всецѣло посвятилъ себя исполненію своей высокой обязанности. Не довольствуясь употреблявшимися до того скудными, сухими и безжизненными образцами науки, которые перешли къ намъ отъ учителей изъ земныхъ, онъ, подъ руководствомъ св. Церкви, проложилъ себѣ новую стезю въ наукѣ. На этой новой стезѣ онъ не изъывалъ вида самоувѣреннаго знатока дѣла; усердно работая для кафедры, онъ постоянно видоизмѣнялъ свои лекціи, и долгое время не рѣшался издавать ихъ въ свѣтъ, не смотря на настоянія многихъ своихъ друзей и слушателей.

Онъ появились въ печати не задолго до смерти Якова Космича, въ 1846 году, подъ именемъ *«Чтеній о церковной словесности»*. Въ двухъ томахъ этихъ *Чтеній* отпечатаны не весь курсъ Гомилетики Якова Космича. Соотвѣстственно предположенному плану науки, имъ отдѣлялась въ печать третья часть Гомилетики *«о родахъ и видахъ поученій, въ которыхъ проявляется церковное собесѣдованіе»*, которая должна была служить дополненіемъ двухъ первыхъ частей *«о матеріи и характерѣ»* церковнаго собесѣдованія. Но смерть застигла его за этою работою, и мы нигдѣ не могли найти рукописи, содержащей окончаніе долголѣтнаго труда Амфітеатрова. У бывшихъ слушателей его существуютъ только краткіе конспекты его лекцій, заключающіе въ себѣ обзоръ матерій, которыя должны были получить подробное развитіе въ 3-й части Гомилетики.

Въ напечатанныхъ частяхъ Гомилетики Амфітеатрова выражень тотъ взглядъ на дѣло проповѣдничества, какой сложился въ самостоятельной мысли русскаго профессора, съ честію и пользою занимавшаго кафедру церковной словесности въ теченіи двухъ десятилѣтій.

Амфитеатровъ училъ смотрѣть на проповѣдь не какъ на *сочиненіе*, а какъ на святое *дѣло*: въ его гомилетикѣ проповѣдничество разсматривается какъ родъ служенія, къ которому пастырь Церкви призывается самымъ своимъ званіемъ, и цѣль своихъ наставническихъ занятій онъ поставлялъ въ томъ, чтобы помочь будущимъ пастырямъ Церкви *вести пасомыхъ къ духовному возрожденію*. При такой задачѣ, преслѣдуемой Амфитеатровымъ, риторическая или художественная сторона проповѣди отступала у него на задній планъ, и о ней онъ мало заботился. Если онъ хотѣлъ имѣть въ виду искусство при своихъ замѣчаніяхъ о лучшемъ способѣ проповѣдничества, то искусство особаго рода, которое всецѣло опредѣлялось силою и чистотою воспитаннаго въ благочестіи духа, и яснымъ глубокимъ сознаніемъ святости проповѣдническаго служенія. Логическая стройность далеко его не удовлетворяла въ проповѣди; безупречныя съ внѣшней стороны церковныя поученія для него не были совершенствомъ. Напротивъ, онъ часто считалъ нужнымъ вооружаться противъ того взгляда, по которому люди дальше формальнаго совершенства ничего не хотѣли искать въ проповѣди. «Вы недугуете формализмомъ (говорилъ онъ студентамъ въ 1834 году въ вступительной лекціи предъ началомъ втораго учебнаго года): вездѣ вижу преобладаніе формы надъ матеріею, вездѣ нахожу школьную правильность въ составленіи поученій, но не нахожу того, что должно помѣститься въ эти правила; вы ставите рамы, но эти рамы часто пустыя, безъ картинъ, безъ характерныхъ мыслей и чувствованій. Вотъ почему почти на каждомъ изъ вашихъ поученій приходится мнѣ писать: недостаетъ силы и жизни» ¹⁾). Подобныя замѣчанія онъ повторялъ студентамъ каждаго курса, направляя ихъ мысль на существенныя требованія отъ проповѣди, болѣе важныя, чѣмъ внѣшняя сторона ея.

¹⁾ «Амфитеатровъ Яковъ Космыничъ», Аскаченскаго. 1857. стр. 134.

Не довольствуясь логическою стройностію проповѣди, Амфитеатровъ рѣшительно не любилъ внѣшней аффектаціи, блестящихъ и громкихъ словъ, пышныхъ картинъ и разительныхъ сближеній. Простое и ясное изложеніе дѣла, проникнутое благоговѣніемъ и сознаніемъ священной важности предмета проповѣди, въ его глазахъ было выше пышнаго классическаго краснорѣчія, больше разсчитаннаго на эффектъ, чѣмъ пригоднаго для назиданія. Въ первые годы своей службы и литературной дѣятельности, Амфитеатровъ увлекался иногда поэтическими стремленіями своей богатой души, и въ проповѣдяхъ допускалъ картинность, и подчасъ оригинальность изображенія вещи или матеріи рѣчи. Но съ теченіемъ времени, по мѣрѣ того, какъ выяснялся и утверждался его взглядъ на дѣло проповѣди, поэтическія замашки исчезали изъ его проповѣднаго слова, и въ его бесѣдахъ вы читаете рѣчь, въ высшей степени простую и безыскусственную, прямо и отчетливо выражающую дѣло и въ тоже время поражающую чистотою и духовностію своего склада. Таковъ именно характеръ его рѣчи въ *«Бесѣдахъ объ отношеніи Церкви къ христіанамъ»*. Часто приводя примѣры изъ поученій извѣстныхъ проповѣдниковъ въ уясненіе своихъ гомилетическихъ положеній, и указывая, чему должно подражать въ томъ или другомъ церковномъ учителѣ, Амфитеатровъ при своихъ рекомендаціяхъ руководился однимъ правиломъ, по которому молодые проповѣдники должны были увлекаться не внѣшнимъ искусствомъ, а силою и жизнію слова. Въ силу этого правила онъ не рекомендовалъ для подражанія русскимъ проповѣдникамъ проповѣдей Массильйона, Бурдалу и другихъ французскихъ церковныхъ ораторовъ: ихъ искусственная рѣчь казалась ему не совсѣмъ пригодною для церковной кафедрѣ и не совсѣмъ согласною съ характеромъ и требованіями русскаго духа, ищущаго въ проповѣди прежде всего искренности и практи-

ческой прямоты слова. Любимыми проповѣдниками Амфітеатрова были св. Іоаннѣ Златоустъ и св. Димитрій Ростовскій, и ихъ онъ болѣе всего совѣтовалъ читать молодымъ проповѣдникамъ для того, чтобы приблизиться къ святому искусству *«живо и дѣйственно, благотворно и спасительно вѣщать слово Божіе»*.

При развитіи мыслей, подпадавшихъ слову Амфітеатрова, слушатели его лекцій поражались его сильнымъ и отчетливымъ анализомъ. Понятіе, представляющееся обыкновенному воззрѣнію тусклымъ и малосодержательнымъ, у него являлось многочленнымъ организмомъ, и получало отъ него полноту и жизнь, какая въ немъ и не подозрѣвалась съ перваго взгляда. Онъ указывалъ въ немъ стороны, мало замѣтныя для другихъ, выставлялъ на видъ его частности, слитыя въ общемъ представленіи, и до тѣхъ поръ не покидалъ его, пока не исчерпывалъ всего его содержанія. И все это дѣлалось такъ просто, безъ всякаго напряженія судительной силы, какъ будто профессоръ раскрывалъ не темное безвидное понятіе, а рассказывалъ о какой либо наглядной вещи, не требующей никакихъ усилій мысли для своего разъясненія. У слушателей при такомъ анализѣ какъ будто раскрывались глаза на дѣло, и они удивлялись отъ чего они сами прежде не видѣли въ предметѣ того, что имъ указывали.

Еще важнѣе, чѣмъ этотъ анализъ, былъ тотъ духъ, какимъ пронизаны были лекціи Амфітеатрова, и какой замѣтенъ въ его печатномъ руководствѣ. Гомилетика, какъ наука формальная, представляется всѣмъ вещью сухой и скучною. Но у человѣка съ душою изъ этой сухой и скучной вещи вышелъ рядъ теплыхъ и одушевленныхъ бесѣдъ, читая которыя вы не знаете, чему болѣе удивляться, силѣ ли научной мысли или полнотѣ одушевленія. Каждая страница Гомилетики Амфітеатрова напоминаетъ читателямъ, что авторъ ея

вполнѣ проникнуть сознаніемъ высокой важности того служенія, къ которому приготавлилъ своихъ слушателей, и духомъ тѣхъ Отцовъ, подражать которымъ онъ приглашалъ будущихъ пастырей. Многіе изъ людей, занимающихся дѣломъ проповѣдничества, обращаются къ *Чтеніямъ о церковной словесности* въ то время когда собираются обдумывать поученіе, и обращаются для того, чтобы чтеніемъ образцоваго по духу произведенія настроить себя на тотъ тонъ, какой приличіе всего для церковной наедры, и усвоить себѣ его теплоту и силу. Это—рѣдкое достоинство научнаго руководства, когда оно не только указываетъ правила дѣйствованія, но и способно сообщить духъ и силу къ ихъ выполненію. Профессоръ, значить, глубоко постигъ искусство проповѣдничества, когда прислушиваются къ его языку и тону его мысли и рѣчи для того, чтобы по мѣрѣ возможности приблизиться къ идеалу истиннаго христіанскаго проповѣдника.

Яковъ Косьмичъ Амфитеатровъ въ духовной литературѣ извѣстенъ не одними своими *Чтеніями о церковной словесности*. Онъ былъ однимъ изъ главныхъ сотрудниковъ по изданію Воскреснаго Чтенія въ первые годы его существованія (1837—1848). Статьи его, здѣсь печатавшіяся, узнавали всѣ, ихъ читавшіе, хотя онѣ и не подписывались его именемъ: онѣ отличались живостію изображенія предмета, сердечностію и даже нѣкоторою умиленностію слова. Первая оригинальная статья его въ Воскресномъ Чтеніи—*«Лилія»* ¹⁾ въ свое время восхищала многихъ любителей духовнаго чтенія. Замѣчены и высоко цѣнными были многими его статьи: 1) *«Скромство»*, 2) *«Бесѣда священника съ бѣдною вдовою, оставшеюся съ сыномъ»*, 3) *«Бесѣда священника съ приходящимъ, у котораго сынъ распутный»*. Печатались въ Вос-

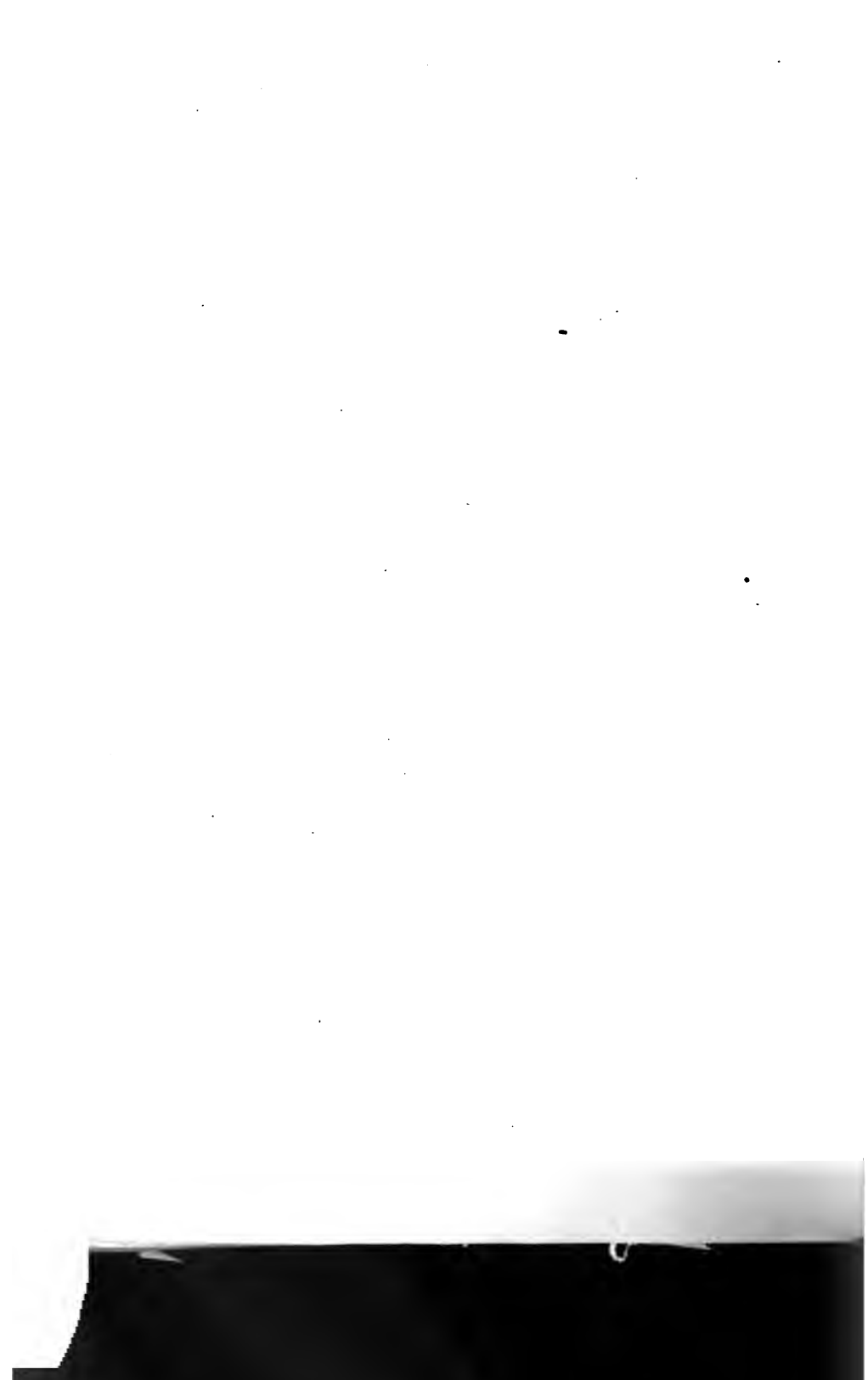
¹⁾ Воскр. Чтен. годъ I. 242.

кресномъ Чтеніи и многія проповѣди Амфитеатрова, предназначенныя для произнесенія въ церкви. Изъ нихъ «*Бесѣды объ отношеніи Церкви къ христіанамъ*» вышли въ 1847 году отдѣльною книгою, и имѣли уже до четырехъ изданій. Есть нѣкоторыя его поученія въ сборникѣ «*Бесѣды сельскаго священника къ прихожанамъ*», изданномъ бывшимъ ректоромъ Кіевской семинаріи, потомъ академіи (нынѣ архіепископъ казанскій) Антоніемъ.

Амфитеатровъ принималъ участіе своими трудами и въ свѣтской литературѣ. Въ Маяѣ за 1843 и 1844 годъ напечатано нѣсколько его коротенькихъ разсказовъ и одна большая повѣсть: *Лѣва долина* ¹⁾. Содержаніе и повѣсти и короткихъ разсказовъ взято изъ простонароднаго быта; въ нихъ авторъ обращалъ вниманіе читателей на простаго русскаго мужика, когда въ литературѣ это было еще новостію. Многимъ очень нравилась повѣсть Амфитеатрова. Но самъ онъ разъ испытавши себя на поприщѣ беллетристики, нашелъ, что романъ и повѣсть не были его призваніемъ, и потому оставилъ этотъ родъ литературной дѣятельности.

Чтобъ напомнить читателямъ о талантливомъ учителѣ проповѣдничества въ Кіевской академіи, мы, не имѣя возможности представить публикѣ что либо неизданное изъ его трудовъ, перепечатаваемъ изъ его Гомилетики замѣчательный трактатъ о внутреннемъ характерѣ церковнаго собесѣдованія, составляющій первое отдѣленіе 2-й части его системы.

¹⁾ Воскр. Чт. годъ VII. 372.

О внутреннемъ характерѣ церковнаго собесѣдованія.

§§) 198. *Порядокъ изслѣдованія о внутреннемъ характерѣ.*
199. *Понятіе о внутреннемъ характерѣ.* 200. *Главные признаки.*

§ 198. Св. ап. Павелъ говоритъ: *нѣсмы якоже мнози нечисто проповѣдающіи слово Божіе, но яко отъ чистоты* (2 Кор. 11, 17). Изъ сихъ словъ богодухновеннаго проповѣдника, равно какъ изъ показаній опыта, ясно открывается, что проповѣдь можетъ имѣть два направленія, совершенно противоположныя: а) чистое, или истинное и подлинное; б) нечистое, или лживое и поддѣльное. Отсюда

Членъ I. О подлинномъ характерѣ церковнаго собесѣдованія.

Членъ II. О поддѣльномъ характерѣ онаго.

ЧЛЕНЪ ПЕРВЫЙ.

Подлинный характеръ церковнаго собесѣдованія.

§ 199. Положительное начало, изъ котораго долженъ развиться характеръ церковнаго собесѣдованія, есть а) *духъ Библіи*; б) *духъ Церкви*; в) отношеніе сего духа къ *духу* поучаемаго *народа*. Слѣдственно внутренній подлинный харак-

Церковнаго собесѣдованія состоитъ въ точномъ выраженіи духа Библии и Церкви относительно къ духу народа, т. е. въ томъ, когда внутренній ходъ, направленіе и значеніе мыслей проповѣдническихъ во всѣхъ отношеніяхъ есть ходъ, направленіе и значеніе церковно-библейское.

§ 200. Постоянный предметъ, на который устремлена дѣятельность церковнаго собесѣдованія, есть *народъ*. Положительная цѣль сего собесѣдованія есть: а) произвести вѣру въ умѣ народа; б) возбудить любовь въ волѣ къ исполненію того, во что вѣруемъ; с) напитать и усладить чувство или сердце предметами вѣры. Дѣйствіе собесѣдованія, производящее вѣру въ умѣ, назовемъ *назидательностію*, возбуждающее любовь въ волѣ—*убѣжденіемъ*, питающее и услаждающее сердце—*помазаніемъ*: тогда получимъ три главные признака, изъ коихъ слагается внутренній характеръ церковнаго собесѣдованія: I) назидательность для ума; II) убѣжденіе для воли; III) помазаніе для сердца.

I. НАЗИДАТЕЛЬНОСТЬ.

§§ 201. *Понятіе о назидательности церковнаго собесѣдованія.*
202. *Главные свойства назидательности.*

§ 201. Христіанская *назидательность*, или, по точному библейскому выраженію, *созиданіе* (οἰκοδομή, aedificatio) вообще есть настроеніе природы и жизни христіанина по идеѣ христіанской религіи, т. е. по духу Евангелія и Церкви. Назидательность церковнаго собесѣдованія въ частности состоитъ въ томъ, когда оно производитъ въ духѣ народа тѣ именно понятія, мысли, чувства и расположенія, какихъ требуетъ духъ и подлинный характеръ церковно-библейскаго ученія.

Примѣч. Само собою разумѣется, что слово назиданіе, часто употребляемое ап. Павломъ (Дѣян. XX. 32. Рим. XIV. 10. 1 Кор. III. 10—14; XIV. 3—5. 12. 26. Ефес. II 20; IV. 16. 29. и проч.) есть выраженіе не собственное. Св. Златоустъ изъясняетъ оное *осуществленіемъ добродѣтели, все отъ несущихъ въ бытіе приведеніемъ* (Толков. на Ефес. IV. 24.); а самъ апостолъ нерѣдко замѣняетъ назиданіе простѣйшимъ понятіемъ *наставленія, ученія*, (1 Кор. XIV. 19. 31.). Между тѣмъ метафора св. Павла имѣетъ глубокое значеніе и представляетъ величественный образъ. Она даетъ намъ разумѣть, что падшее человѣчество, въ Евангеліи и Церкви, подобно огромной развалинѣ, въ коей осталась одна ветхая жизнь, и что ученіе Евангелія воздвигаетъ изъ этой развалины новое зданіе. Краеугольный камень сего зданія есть Іисусъ Христосъ; апостолы и пророки суть первооснованія, утвержденныя въ Немъ (Ефес. II. 20 14—16.); то, что зиждется на семъ основаніи и стройно возрастаетъ (тамъ же 21.) есть истинная Церковь, новое человѣчество; видимое орудіе, которымъ создается Церковь, есть проповѣдь и пастыри — проповѣдники, дѣйствующие при содѣйствіи благодати Божіей (Рим. X. 14; XII. 6. 7; Ефес. IV. 11—15; 1 Кор. XII. 3—11. 27. 28.). Сюда можно отнести и притчу Спасителя о храминѣ, построенной на камени (Мат. VII. 24—28.).

Отселѣ понятно, что значить выраженіе: проповѣдь назидательна, — когда и какъ она можетъ быть назидательною. Пронизосимая въ церкви, она можетъ восхищать и удивлять слушателя наружнымъ убранствомъ, ловкостью оборотовъ, остроумными мыслями, высокимъ искусствомъ авторства и т. д.; но если она не возбуждаетъ чувствъ и мыслей собственно христіанскихъ, если на мѣсто ума естественнаго не создаетъ въ народѣ вѣры или ума Христова: то, при всемъ своемъ литературномъ достоинствѣ, она ничѣмъ не принадлежитъ къ области духовнаго витѣйства, кромѣ одного имени. Такая проповѣдь, по выраженію св. Павла, есть неопредѣленный звукъ трубы, все равно что рѣчь иностранная (1 Кор. XIV. 8—11.), мало понятная истинно-христіанскому духу и чувству.

Назидательность есть главное и общее свойство церковнаго собесѣдованія, относящееся и къ уму, и къ волѣ, и къ сердцу слушателя. Но, какъ наставленіе, она преимущественно содѣйствуетъ образованію разсудка.

§ 202. Если церковное собесѣдованіе ничѣмъ инымъ не можетъ и не должно назидать, какъ только духомъ ученія а) библейскаго, б) церковнаго, в) приложеніемъ сего духа къ духу народа: то а) пусть всякая проповѣдь будетъ явленіемъ духа библейскаго; б) пусть будетъ составлена въ духѣ ученія церковнаго; в) пусть будетъ приспособлена къ духу и характеру народа. Изъ этихъ простыхъ положеній, коихъ вѣрность сама собою очевидна, естественно раскрываются три главные свойства назидательности въ церковномъ собесѣдованіи вообще: а) *религіозность* (выраженіе неточное; надлежало бы сказать библейство,—но это слово у насъ не употребляется), б) *православіе*; в) *народность*.

А) Религіозность, или духъ библейскій.

§§ 203. *Понятіе о религіозности церковнаго собесѣдованія.* 204. *Свойства церковно-собесѣдовательной религіозности.* 205. *Святость.* 206. *Истина.* 207. *Спасительность.* 208. *Средства: историческое вѣдѣніе слова Божія.* 209. *Психологическое вѣдѣніе.* 210. *Благодатное пособіе.*

§ 203. *Религіозность*, или библейскій духъ церковнаго собесѣдованія, состоитъ въ близости и какъ бы въ живомъ подражаніи бесѣды внутреннимъ существеннымъ свойствамъ Св. Писанія,—въ воспроизведеніи духа библейскаго. Когда предметы, излагаемые въ церковномъ собесѣдованіи, взоръ на сіи предметы, направленіе и развитіе мыслей общихъ и частныхъ, внутренняя сила доказательствъ, способы убѣжденія, все построеніе оного заставляютъ опытнаго христіанина тотчасъ угадывать точное сродство сего самаго собесѣдованія съ духомъ Библіи: то значитъ, что оно имѣетъ въ себѣ печать Евангелія

нистова, имѣть его силу и, можно сказать, его природу. надлежитъ намъ быть крѣпко убѣжденными въ томъ, что на-
званіе вѣритѣльство должно быть ни болѣе ни менѣе, какъ только
искрытая и объясненная Библия. Библия есть *начало* и
рвообразъ: христіанское краснорѣчіе должно быть не иное
 о, какъ естественное *слѣдствіе* этого начала и *практиче-*
ское приложеніе перваго образа. Библия есть *духъ и жизнь*:
 церковная бесѣда должна быть проявленіемъ сей жизни и ове-
 ествленіемъ сего духа (Іоан. VI. 63 ср. 1 Кор. II. 4; 2 Кор.
 I. 6; IV. 2). Слово Божіе есть *сѣмя* или *зерно* (Мат. XIII.
 I. 32; Марк. IV. 30; Лук. XIII. 18): церковная словесность
 должна уподобляться обширному *дъреву*, произрастающему изъ
 его святаго сѣмени. Словомъ, вся церковно-христіанская сло-
 жность должна осуществлять собою превосходное и много-
 значущее сравненіе Искушителя: *подобно есть царствіе не-*
бесное (ученіе Евангелія) *зерну юрмушичну, еже вземъ чело-*
вѣкъ всѣя на сѣль своемъ: еже малѣйше убо есть отъ
тѣхъ сѣменъ: егда же возрастетъ, больше всѣхъ зелій есть,
бываетъ древо, яко приими птицамъ небеснымъ и ви-
нати на вѣтвѣхъ его (Матѣ. XIII. 31. 32). Что церковное
 обесѣдованіе можетъ быть живымъ подражаніемъ слову Бо-
 ію, доказательствомъ служить огромныя творенія Отцевъ
 Церкви, которыя всѣ исполнены духа евангельскаго; а что
 въ подражанія Евангелію не можетъ быть оно библейски—
 азидательнымъ, это само собою очевидно.

§ 204. Что составляетъ въ словѣ Божіемъ существенныя
 ерты назидательности, которымъ должно подражать церковное
 обесѣдованіе? Писаніе вообще учитъ насъ *со-первыхъ* тому,
 то свято само по себѣ и священно для человѣка; *во-вторыхъ*
 ому, что истинно само въ себѣ и вѣруется въ правду со сто-
 оны человѣка; *въ третьихъ* тому, что благо само въ себѣ
 и спасительно для человѣка. Такимъ образомъ евангельская